

Бывшев А.П., Рябуха В.А.**УДК 321.01/02:316.46****ЛИКИ ВЛАСТИ: ОТ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ – ДО ПРОЕКТИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ**

1. Политическое профессиоведение – одна из древнейших общественных наук.

Политика в данном случае понимается как область специальной деятельности (властвования), направленной на завоевание, овладение, утверждение, использование и удержание государственной власти.

Властвование – реализованная способность к управлению государственным образованием посредством права, авторитета, религии, насилия, воспитания, морали, знаний и опыта, представленных как институты исполнения политической воли ее носителей.

Политическая портретология (портретирование) – совокупность способов представления деяний, характеристик, черт властвующей личности в форме нормы, описания, символа, титулатуры, поучения или назидания.

Политическое проектирование – совокупность методов и процедур, используемых с целью создания особых правовых норм – проектов деятельности политических лидеров, которые высказывают намерения к овладению государственной властью и (или) завоевали ее.

2. История власти дает нам достоверные примеры портретологической теории и практики, а также осуществленных и несбывшихся проектов властвования. Вот одна из ярких характеристик ассирийского царя Ашшурбанапала (668 – около 635гг. до н.э.), отличавшегося самыми разнообразными талантами. «...Я, Ашшурбанапал, в покоях сих мудрость бога Набу приобрел, все искусство писцов, все ремесла, все, что знанием было, – изучил... – потомок царственности – Я! ... Под властью моей изливалось плодородие, в года мои копилось изобилие». [1, здесь и далее переводы В.Афанасьевой, И.Дьяконова, В.Якобсона]. Примечательно, что в описании достоинств царя присутствует не только назывательные элементы титулатуры, но и экономические важные деятельностные и исключительные личные качества.

Сравним их с автопортретом деда Ашшурбанапала: «Я – Синаххериб, великий царь, могучий царь обитаемого мира, царь Ассирии, царь четырех стран света, премудрый пастырь, послушный великим богам, хранитель истины, любящий справедливость, творящий добро, приходящий на помощь убогому, обращающийся ко благу, совершенный герой, могучий мужчина, первый их всех правителей, узда, смиряющая строптивых, испепеляющий молнией супостатов. Бог Ашшур, Великая Гора, даровал мне несравненное царствование, и над всеми сидящими на престолах возвеличивает он мое оружие. От Верхнего Моря, где закат солнца, до Нижнего Моря, где восход солнца, всех жителей Шумера и Аккада склонил я к моим стопам, и враждебные правители устрашились боя со мной, поселения свои они покинули и, подобно пещерным летучим мышам, одиноко улетели в места неведомые...».

В портретировании Синаххериба преобладает утверждение царского величия, полководческого таланта, необходимость покорения непослушных и несмиряющихся, устрашения «моим ярмом» тех, кто «не облобызал стопы мои». Патетически звучит та часть описания, где представлены воинские достоинства царя: «Как лев, я възъярился, облачился в доспехи, шлем, украшение битвы, возложил я на главу свою, на мою боевую колесницу... в ярости сердца своего я взошел... Я взревел. Я учинил им разгром».

В портретах такого типа обязательно присутствуют насильственные деяния. «Я заставил их кровь течь по обширной земле, словно воды половодья в сезон дождей. Трусами бойцов их, словно травой, наполнил я землю. Я отрезал им бороды и тем обесчестил, я отрубил их руки, словно зрелые плоды огурцов, я забрал кольца, что были на руках их».

И даже в характеристиках выдающегося Ашшурбанапала, в царствование которого «до пяти локтей поднялось зерно в росте своем, до пяти шестых локтя был колос длиною, ...неуклонно луга наливались, плодовые деревья плодоносили, скот удваивался при рождении» насилие и месть выступают как обязательные условия правления государством: «Тем, кто против Ашшурбанапала, царя Ассирии, злое замыслит, вражду чинит, злую смерть подарю я им, – кинжалам железным, огнем поражающим, гладом, бога чумы касанием оборву я их жизни!»

Портретирование властителей в государствах древнего Двуречья являлось одним из важных достижений цивилизации, обеспечивающих развитие, организационный порядок и личностную уверенность граждан в величии власти.

Известно, что Ашшурбанапал повелел создать в Ниневии царскую библиотеку, в которой находились сотни сочинений – словари, грамматики, математические и научно-технические пособия, религиозные, магические и ритуальные тексты, разножанровая светская литература, анналы царей.

Для наших целей «царские списки» и «списки мудрых» – яркое отражение личностного начала в канонических жанрах, обращенных к людям, объединяющих, одухотворяющих и устрашающих их.

3. Великий Платон считал, что правителю для блага своего государства разрешается применять многое дурное, в том числе и ложь. Отрицая этот тезис, римский император Марк Аврелий (121-180гг.) утверждал: «Я ... возымел представление о государстве, которым правят в духе равенства и равного права на речь, с законом, равным для всех, также о единой держави, которое всего более почитает свободу подданных».

Перед нами 12 книг «Размышлений» государственного деятеля, опирающегося на богатую античную традицию учительной литературы (2). Здесь следует присоединиться к выводам тех ученых, которые видят в «Размышлениях» не исповедь, тайные дневниковые записи, а силу политического убеждения – как

воспринимать правителей, мир и людей. Нормативность мышления и поведения императора видны во всех пунктах первой и последующих книг. И это не «список благодарной дани» тем или другим личностям, повлиявшим на становление правителя. Это утверждение позиций, требований, предписаний, указаний, качеств и отношений.

Портретолог не только обращается к себе, он демонстрирует необходимость понимания себя для многих, закладывая основания открытости, цельности, вдохновенности собственных поступков, осознавая твердую уверенность в принципе совершенствования и последующем успехе.

Тема «как ведешь ты дело свое?» зиждется на основоположениях, знаниях, моральных ценностях, умении рассуждать, понимать, убеждать, изменяться, наконец, под воздействием обстоятельств, опыта и окружения.

О Боге: «Молитва афинян: пролейся дождем, милый мой Зевс, на пашню афинян и на равнины. Либо вовсе не молиться, либо вот так – просто и свободно». (Здесь и далее перевод А. Доватура, А. Гаврилова, Я. Унта).

О благоразумии: «Гнаться за невозможным – безумие. А невозможно, чтобы негодные не поступали в общем именно так».

Об управлении: «Из всего, что есть в мире, что сильнее, а это то, что всем распоряжается и всем ведает. Ибо и в тебе это то, что распоряжается другими, и твоя жизнь им управляема».

О пронизательности: «Гляди внутрь, пусть в любом деле не ускользнет от тебя ни собственное его качество, ни ценность».

О высших гражданских качествах: «Гляди, на цезарей, не пропитайся порфиром... Береги себя простым, достойным, неиспорченным, строгим, прямым, другом справедливости, благочестивым, доброжелательным, приветливым, крепким на всякое подобающее дело. Вступай в борьбу, чтобы оставаться таким, каким захотело тебя сделать принятое тобой учение. Чти богов, храни людей. Жизнь коротка; один плод земного существования – праведный душевный склад и дела на общую пользу».

О цельности человеческой природы: «Совершенство характера – это то, чтобы всякий день проводить как последний, не возбуждаться, не коснеть, не притворяться».

Об упорядоченности сущего: «Либо стройный миропорядок, либо груда, мешанина, и все – таки миропорядок».

О способности быть деятельным: «Тщеславный признает собственным благом чужую деятельность, сластолюбец – свое переживание, разумный – собственное деяние».

О труде ради граждан: «Трудись, не жалуйся. И не для того, чтобы сострадали, изумлялись – одного желай: двигаться и покоиться так, как почитает за достойное гражданский разум».

О сложности ведения государственных дел: «Причина – мощный поток, все увлекает. Как убоги государственные эти мужи, воображающие, что они философски действуют. Носы бы себе утерли! Знаешь ли, друг, ты делай-ка то, что от тебя сейчас требует природа. Устремляйся, если дается, и не гляди кругом... И на Платоновом государстве не надейся, довольствуйся, если самую малость продвинется. И когда хоть такое получишь – за малое не почитай».

В чем значимость этого портрета? В силе слова, открыто предложенной другим. В знании сути правления и предназначения правителя. Эти истины должны быть не только известны многим, они должны служить тому, чтобы понимать больше, лучше и глубже. Автор применяет для выразительности преимущественно формы кратких наставлений – максим и монологов – средств приподнятого внушения, много цитирует, ссылается на знаменитых мыслителей, политических деятелей, литераторов. Как нам кажется, цель у него одна – воплотить представляемые идеалы в действительные, нравственные, деятельностные, поведенческие качества – в норму, показать свою жизнь как процесс постоянного, трудного, но необходимого самосовершенствования во всех областях, где император должен быть как лицо первое в духовном и прагматическом планах, как мудрец, философ и реальный политик.

В свое время видный психолог С.Л. Рубинштейн обратил на эти явления пристальное внимание [3] и сформулировал тезис, названный позднее «эффектом Рубинштейна».

Содержательная личность четко определяет свои отношения к жизни, и сила этой определенности «заставляет» других самоопределяться подобным образом. Вероятно, в таких случаях именно масштабность деятельности, поступков, субъективных характеристик, а также результатов реальных действий и побуждают других людей к аналогичному самоутверждению.

4. Обратимся теперь к такому жанру средневековой византийской политической литературы, как «княжеские зеркала», в которых представлены авторские позиции и взгляды на власть.

Идеологически они преследуют задачи упрочения политического, экономического, социального и религиозного господства императоров, укрепления государственности, выражающиеся в неприкосновенности и стабильности территории, защите от посягательств врагов, незыблемости политической и административной структуры, религиозных догм, экономического порядка и торговли, правовых институтов, культуры, способов самовыражения титульной нации и т.д.

Известный знаток византийских «княжеских зеркал» И.С. Чичуров приводит [4] образец речи – наставления Юстина II преемнику Тиверию I (578-582г.г.): «Не я, но Бог, оказав тебе честь, дал тебе эту роль. Чти ее, чтобы и ты был почтен ею. Чти мать твою, некогда бывшую госпожой твоей. Ты знаешь, что прежде был рабом ее, а ныне – сын. Не возрадуйся крови. Не будь сопричастен убийству. Не воздавай злом на зло. Не уподобляйся мне во вражде, ибо я, как человек, согрешил, согрешив, получил по грехам моим. Но с теми, кто причинил мне это, будет у меня суд перед престолом Христа. Да не вознесет тебя эта роль, как меня. Относись ко всем так, как к самому себе. Помни, чем ты был и каким становишься ныне. Не

возгордись, да не согресишь. Все это чада твои и рабы. Все, кого видишь здесь, составляют государство. Помни о войне твоем. Не прими клеветника, да не скажут тебе, что так поступал твой предшественник. Говорю тебе о том, от чего сам претерпел. Имеющие богатства, да вкусят от них, не имеющим же даруй. ... Бог, сотворивший небо, землю и все вокруг, вложит в сердце твое то, о чем я забыл сказать тебе» (здесь и далее в этом разделе перевод И.С. Чичурова).

Этот ученый на основании исследования огромного массива подобных текстов заключает, что приведенная речь отражает традицию от Агапита (VI в.) до Мануила II Палеолога (1391-1425 гг.). В портрете идеального императора почти всегда представлены власть, данная Богом, милосердие, человеколюбие, осуждение гордыни, щедрость, справедливость, забота о подданных и т.д.

Отметим, что божественное происхождение императорской власти является устойчивой категорией, хотя эти представления имеют широкий диапазон различий: от христианской идеи равенства социальных слоев до богоназначенности или избранности правителя.

Интерес к посланию патриарха Фотия к Михаилу Болгарскому (835г.) связан с разнообразием характеристик – требований, как с возрождением интеллектуальных достоинств императора, так и с возвышением правовых и социальных оснований власти. Исполнительная функция правления, разнообразие общественного бытия, принципы христианской веры выдвигают перед патриархом необходимость несколько по-новому трактовать сущность власти: «Человеческий ум испытывается в делах управления и помыслах управляемых», «Следует, чтобы добродетели верой утверждались», «Хвали за прекрасные деяния...», «Когда кто-либо управляет собой, тогда должно считать, что он истинно управляет и подданными» и т.д.

Однако моральный идеал, по Фотию, – только шаг к государственному идеалу правления, то есть единству власти и православия: «Правильность догматов предполагает упорядоченность государственного устройства».

И.С. Чичуров отмечает характерное у Фотия употребление терминов «политика» для отношений государства и религии и «власть» – для других общественных отношений. Поэтому возведение библейских заповедей в состав государственной политики предполагает изложение специфических «конкретных» задач, которые решает правитель в таких областях, как князь, религия, правосудие, социальные слои общества («храни их, как жилы государства и собственные члены»), аппарат управления, авторитет власти, особенности управления и начальствования, образование правителя и его «внешний вид», поведение среди подданных, церемониализация власти посредством разработки особой титулатуры и прочее.

Следующий этап византийской портретологии – «Учительные главы» и «Второе поучение» императора Василия I (867-886 гг.) своему сыну, будущему императору Льву VI. «Учительные главы» состоят из 66 разделов. Выходец из крестьян, Василий I начинает изложение и завершает его утверждением необходимости образования. Следуя традиции, император более половины глав посвящает профессиональным вопросам, затем следуют этические, правовые, имущественные, административные наставления. Важно здесь разделение и согласование двух властей – императора и патриарха: «Духовное и телесное благоденствие и мир подданных заключаются в согласии и единомыслии во всем царственности и первосвященства».

Проблеме собственно трудам по управлению империей посвящено более 20 глав сочинения. Стержневым является высказывание: «Более всего ты прославишься, если будешь каждому определять свое место – достойным управлять вручишь власть, а с подвластными распорядишься так, что они не будут ни оскорблять начальников, ни терпеть оскорбления от них».

И далее: «Чинами награждай безвозмездно и не продавай за дары почестей», «Тот же, кто обрел власть за плату, никогда не научится делать что-либо без даров». Любопытна тема «императорских друзей»: «Радуясь радуем о тебе друзьям, как истинным, больше, чем родственникам».

Таким образом, «княжеские зеркала» создают обобщенный, нормативный идеал правителя, они ориентированы как на одну личность, так и на определенный, иногда замкнутый, круг интеллектуалов, которые участвовали в создании этих образцов политической деятельности, в развитии учений о государственной власти и управлении.

Византийская политическая литература оказала прямое влияние на представления о власти в Древней Руси, о чем свидетельствуют труды митрополита Илариона «Слово о законе и благодати», «Поучение» Владимира Мономаха, «Послания» митрополита Никифора и другие. Даже значительно позднее «Казанская история» (1564-1565гг.) создает разносторонний и объемный портрет царя Ивана IV (главы 22 и другие, особенно глава 101 «Похвала царю») [5].

5. Переход от двух начал власти « царственности» и « священства» к приоритету светской власти провозглашает Эйке Фон Репков (около 1186-1235гг.) в «Саксонском зеркале» (6). Этот вопрос оставался основным для многих «зерцал» (теперь это книги ученого содержания) – вплоть до апологии В.Виланда «Золотое зеркало» (1722г.), где по-своему портретизируется образ идеального государя.

Продолжая, чисто формально, поддерживать теорию «двух мечей», автор «Саксонского зеркала» пишет: «Два меча предоставил Бог земному царству для защиты христианства. Папе предназначен духовный, императору – светский» (здесь и далее перевод Л.Дембо) и тут же дает революционную правовую новеллу: « Но папа не может устанавливать никакого права, которое ухудшало бы наше земское или ленное право».

Эйке фон Репков провозглашает отказ от всяческой несвободы, ссылаясь на библейские истины: «Человек должен быть божий и должен принадлежать Богу, и что если кто другой, кроме Бога, его себе присвоит, то он поступит против Бога», «Воистину крепостная зависимость имеет своим источником принуждение, и плен, и несправедливое насилие, что с древних времен выводится из несправедного обычая и теперь хотят возвести в право».

Знаменательным для дальнейшего рассмотрения вопроса о распределенности политических прав государя предстает в «Саксонском зеркале» норма о всеобщей подчиненности праву: «Когда выбирают короля, он должен принести присягу верности государству в том, что он будет укреплять правду, и карать неправду, и защищать интересы империи, как он только сможет и будет в силах. Затем он должен быть свидетелем во всех делах, по которым на него ссылаются, прося о королевской милости», «Светский суд и духовный должны действовать совместно для того, чтобы тот, кто противится одному, принуждался бы другими быть послушным и исполнять свои обязанности, вытекающие из права».

Таким образом, осуществление декларации об исполнении обязанностей, установленных правом, – вот тот путь, который предвидел Эйке фон Репков для будущих поколений политических деятелей. Но уже тогда он отмечал: «Каждый может, далее, оказывать сопротивление противоправным действиям своего короля или своего судьи и даже оказывать помощь в обороне от них всяким способом..., и этим он не действует против своей обязанности верности».

6. Принцип «исполнения обязанностей», то есть формирование исполнительной власти в условиях двух и более центров политического влияния, ярко демонстрируется уже с XIV века в Венеции. Именно здесь родилось то, что получило наименование «венецианская политическая система», которая предполагала успешное функционирование государственного аппарата, четкое исполнение принятых решений, глубокую специализацию чиновников, служебную регламентацию, разведенность их личного и делового положения. Это осуществлялось при скоротечной выборности магистратур, разделенности законодательной, судебной и исполнительной властей путем создания особой профессиональной группы высококвалифицированных секретарей-исполнителей. Исследователи (7) считают, что Венеция стала образцом разумно управляемого государства потому, что на должности секретарей назначались высокообразованные и нравственно совершенные люди, получившие соответствующую подготовку, прошедшие строгий отбор, подвергавшиеся строгому обязательному контролю и надзору.

Эти «слуги общества» постепенно стали вторым сословием со своими портретнографическими особенностями – «образцовым жизнеописанием совершенного слуги государства», «моделью моральных, религиозных и политических добродетелей секретаря» и т.д.

В сочетании с первым сословием – нобилем, которые устанавливали сущность государственной политики, секретари ее эффективно исполняли. Если «идеальные образы» венецианских канцеляристов определяли уникальную систему государственного управления, которая в XVI веке в Европе считалась образцовой, значит вся разнообразная портретнографическая практика являлась не вымышленной, а реальной. Перед нами явление в развитии политических систем: формирование профессионалов исполнения политических решений и историческое подтверждение самой возможности существования качественного политического механизма исполнения решений.

7. 6 августа 1809 года император Александр I издает указ Сенату о новых правилах производства в чины по гражданской службе. Это была одна из немногих попыток в отечественной истории, направленных на создание мощной исполнительной власти. Инициатором ее был крупный реформатор и идеолог политических преобразований М.М. Сперанский. Он предлагал, чтобы чиновники: оканчивали курс обучения в российских университетах и выдерживали испытания по специальной программе, включавшей знание русского и иностранного языков, естественного, римского, гражданского и уголовного права, всеобщей и русской истории, государственной экономики, арифметики, геометрии, физики, географии, статистики России и т.д.

М.М. Сперанский писал, понимая тщетность реформирования политического строя России без одного, главного условия: «Разрушив прежний вещей порядок, хотя несовершенный, но с привычками народными сообразный, если порядок вновь установленный не будет обеспечен разумом исполнителей, он по необходимости родит во всех классах народа тем важнейшее неустройство, что все, и самые обыкновенные, упущения ему приписаны будут» (8, с. 136).

8. Постоянное усложнение политической, технологической и социальной структур человеческого общества за последние два столетия, разрушительные войны, кровавые революции и гражданские кризисы, потрясающие воображение открытия в науке, грандиозные мошенничества, политическое прожектерство и безответственность, уживающиеся с созидательным трудом миллионов, постоянно подталкивают ученых к вечной мысли о высокой политике профессионального исполнения мудрых решений.

Современное научное знание располагает всеми возможностями не допускать безответственных политиков к власти. Назовем некоторые из них, продиктованные тысячелетним опытом профессиональной деятельности:

1. В условиях существования множественных центров принятия государственных решений – административных, экономических, финансовых, демографических, экологических и др. – необходимо образование стабильных органов (институтов) национального управления, оставив за выборными политическими правительствами функции оперативного осуществления решений.

2. В рамках достижений обязательственного права возобновить разработку национальных стандартов профессиональной деятельности политических лидеров. Приведенные выше примеры наглядно показывают, каковы разделы стандартов должны быть включены в их состав.

3. Определить новые правовые нормы деятельности политических партий как профессиональных образований, основополагающим требованием здесь должна быть способность их к организации исполнения решений национальных органов управления.

4. Демолитизировать и деидеологизировать законотворческие и законодательные функции парламента, превратить его в профессиональный орган, находящийся под надзором национальных институтов власти.

5. Разработать нормы государственного права, согласующие нормы свободы и демократии с требованиями стабильности и долговременности деятельности национальных институтов власти.

6. Установить обязательность принятия национальных стратегических программ развития на 20, 10, 5 лет, 2 года, 1 год с соответствующими периодическими поправками для включения их в программы политических партий.

Источники и литература:

1. Я открою тебе сокровенное слово // Литература Вавилонии и Ассирии. – М., 1981.
2. Марк Аврелий Антонин. Размышления. – Ленинград : Наука, 1985.
3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946. – С. 679.
4. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь / И. С. Чичуров. – М. : Наука, 1990.
5. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М., 1985.
6. Саксонское зеркало. – М. : Наука, 1985.
7. Климанов Л. Г. Венецианские «секретари». О политической культуре итальянского города / Л. Г. Климанов // Городская культура. Средневековье и начало нового времени. – М. : Наука, 1986.
8. Томсинов В. А. Светило русской бюрократии / В. А. Томсинов. – М., 1991.

Воробьев Ю.Н., Ворошило В.В.

УДК 336

ФИНАНСОВЫЕ ПОТОКИ ДОМОХОЗЯЙСТВ: СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Актуальность проблемы. Для эффективного осуществления финансово-хозяйственной деятельности домашним хозяйствам необходимо управлять своими финансовыми потоками. Качественно управляя своими финансовыми потоками домашние хозяйства достигают высокий уровень ликвидности и платежеспособности, что позволяет ему своевременно производить расчеты и погашать обязательства. В тоже время, стабильное финансовое состояние домохозяйства является основой для ее финансовой безопасности.

Анализ основных исследований и публикаций. Исследованиями сущности понятия «финансовый поток» занимались такие ученые как Зборовская О.М. [3], Любимцева Ю., Дудкина В.[5], Романовского М. [11], Нехотин Д.В. [6], Ячменников В.В. [12], Задорожная Я.Г. [2], Тютюкина Е.Б и Афашагов К.М. [8]. В тоже время существуют дискуссионные вопросы о сущности данного понятия и его тождестве с денежным потоком.

Исследования финансовых потоков домашних хозяйств до недавнего времени проводились зарубежными авторами, такими как Геронин Н.Н. [1], Кашин Ю.И. [4]. Отечественные авторы Юрий С.И., Федосов В.М. [10] только сравнительно недавно затронули данную проблематику в своих исследованиях.

Цель исследования. На современном этапе развития финансовой науки финансовым потокам домашних хозяйств уделялось незначительное внимание, что обусловлено отсутствием единого взгляда на сущность данного понятия.

Целью статьи является раскрыть понятие «финансовые потоки домашних хозяйств» и классифицировать их в соответствии с выделенными признаками.

Результаты. Зборовская О.М. считает, что с экономической точки зрения понятие поток «в общем случае характеризуется как экономическая величина, которая измеряется в русле с учетом того периода времени, для которого делается расчет [3]».

Сорокина Е.М. полагает, что «поток означает совокупность движимых предметов на протяжении определенного часового промежутка [7]».

В финансовой литературе нет единого мнения о сущности понятия «финансовый поток», поскольку его часто отождествляют с денежным. Существует два мнения о тождестве финансовых и денежных потоков.

По мнению авторов Любимцева Ю., Дудкина В. [5], Романовского М. [11] эти понятия не тождественны: «финансовые потоки являются безэквивалентными и безвозмездными, а денежные потоки представляют собой обмен эквивалентами, представленными в денежной или товарной формах». Такие авторы как Нехотин Д.В. [6], Ячменников В.В. [12], «выделяют финансовые потоки из совокупности денежных потоков в качестве специальной формы, связывая финансовые потоки с формированием и использованием финансовых ресурсов и с формированием и использованием фондов денежных средств». Задорожная Я.Г. рассматривает их с точки зрения логистики: «финансовые потоки – это совокупность циркулирующих в логистической системе, а также между логистической системой и внешней средой финансовых ресурсов, необходимых для управления и контроля логистических операций [2]».